

Клеменс Меттерних на Венском конгрессе. 1815 г.

О.Е. Будникова

Видное место в европейской истории первой половины XIX в. занимает австрийский дипломат и государственный деятель князь Клеменс Венцель Лотарь Меттерних (1773—1859). Его именем назвали эпоху 1815—1848 гг., когда он определял политику Австрийской империи.

Родившись в Кобленце, Меттерних в 20-летнем возрасте переселился в Вену. Женильба на внучке бывшего государственного канцлера Кауница открыла ему двери венских дворцов. Дипломатическая служба привела Меттерниха в 1806 г. в Париж, а в 1809 г. он был назначен министром иностранных дел Австрии, став фактически главой правительства. В 1821—1848 гг. он занимает пост австрийского канцлера. Еще при жизни князь был одарен множеством эпитетов: «премьер-министр Европы», «консерватор во плоти», «кучер Европы», «дирижер концерта европейских держав». Как дипломата, Меттерниха отличали самообладание и скрытность, хитрость и артистическое умение лгать. Он был утонченным образцом циничного политика макиавеллевского толка ¹.

В своем дневнике Меттерних, догадываясь, что его имя займет не последнее место в анналах истории, размышлял: «Я не боюсь смерти. Многим честным людям будет меня не хватать, другие будут меня проклинать. С обстановкой, в которой я думал и делал, связано мое имя в великих событиях, уже потому, что я имел несчастье быть современником революции. Эта эпоха стала мимолетной, как и все человеческие глупости» ².

В западной историографии политической деятельности канцлера посвящено много исследовательских работ ³. В отечественной исторической науке в дореволюционный период о Меттернихе писали в работах, посвященных истории царствования Александра I и Николая I. Наиболее глубоким исследованием жизнедеятельности князя стала работа А.Д. Градовского «Система Меттерниха» ⁴. В советской историографии имя канцлера фигурировало в дипломатической истории, в биографических исследованиях, посвященных его современникам. П.Ю. Рахшмир изложил его биографию и не ставил своей целью анализ политических взглядов австрийского канцлера ⁵.

В мировой историографии князь Меттерних считается воплощением классического консерватизма. Характерной чертой его политической деятельности было стремление противостоять напору времени, сохранить существующее положение вещей не только в Австрии, но и во всей Европе. Основным принципом своей политики Меттерних сформулировал уже после 1815 г.: «В Европе есть только одна проблема — революция». Свою жизнь князь посвятил борьбе с революционными тенденциями века, но, несмотря на его усилия, в марте 1848 г. в Австрии началась революция, что стало свидетельством полного краха консервативной политики Меттерниха.

Одной из ярчайших страниц политической биографии К. Меттерниха является его деятельность на Венском конгрессе. Именно здесь в полной мере проявился его талант дипломата и государственного деятеля. В последние годы жизни, пытаясь снять

Будникова Ольга Евгеньевна — аспирантка Курского государственного университета.

с себя ответственность за австрийскую революцию 1848 г., Меттерних любил повторять: «Моя задача состояла в том, чтобы представлять империю в зарубежных странах и охранять ее внутренние и внешние политические интересы»⁶. С 1813 г. князь в силу своего дарования и должностного положения при дворе в первую очередь занимался внешней политикой. Действия австрийского канцлера в период подготовки и проведения конгресса отчетливо продемонстрировали его политические взгляды, приверженность консервативно-абсолютистской идеологии. И на внешнеполитической арене своей главной задачей он считал борьбу с революцией. Согласно условиям Парижского мира, подписанного 30 мая 1814 г.,⁷ осенью 1814 г. в Вену стали съезжаться представители всех государств, участвовавших в войне с Наполеоном. На конгрессе в Вене были представлены более 200 стран. Это был первый в истории столь представительный конгресс. Главная роль принадлежала победителям Наполеона — России, Австрии, Англии и Пруссии.

Австрия была представлена Меттернихом, Ф. фон Генцем — его личным другом и секретарем, ставшим затем секретарем совещаний конгресса; фельдмаршалом князем К. Шварценбергом и дипломатом И. Стадионом. Меттерних на правах хозяина взял на себя роль председателя всех частных совещаний.

На конгрессе Меттерниху пришлось бороться с выдающимся дипломатом того времени: Ш.М. Талейраном, возглавлявшим французскую делегацию, лордом Р. Каслри — английским послом в Вене и русским императором Александром I, опытным и тонким политиком, обладавшим немалыми дипломатическими способностями⁸.

Первой и важнейшей целью участников конгресса было создание политической системы равновесия, способной обеспечить Европе мир и покой после Французской революции и наполеоновских войн. Ставилась задача не допустить новых революционных потрясений и войн. Второй целью было подавление республиканско-демократических и национально-освободительных движений народов Европы и восстановление прежних феодально-абсолютистских порядков в государствах, покоренных Наполеоном. Третья цель победителей заключалась в том, чтобы закрепить победу над Наполеоном и создать надежное препятствие для восстановления бонапартистского режима, а, следовательно, и возможных завоеваний в Европе. Для этого ведущие участники конгресса стремились расширить и усилить пограничные с Францией государства и превратить их в барьер против нее. Четвертой целью победителей было удовлетворение своих территориальных притязаний и передел европейских и колониальных владений держав.

Весьма правдиво о целях и задачах Венского конгресса высказался «политический рупор» Меттерниха Ф. фон Генц (1764—1832): «Громкие фразы о «переустройстве социального порядка», «обновлении политической системы Европы», «прочном мире, основанном на справедливом распределении сил» и т.д. произносились с целью успокоить массы и придать этому торжественному собранию некоторый характер достоинства и величия; но истинной целью конгресса был дележ наследства побежденного между победителями»⁹.

Наполеоновские войны потрясли Европу не только замыслом создания мировой империи, попытками унифицировать все народы, их политические и правовые институты, но и пролитой ими кровью. Воспоминания о французской гегемонии заставляли политиков искать такую форму организации Европы, которая обеспечила бы равновесие сил, приоритет общих интересов над частными, коллективное решение острых проблем. Причем осознание необходимости рационального преобразования международных отношений для достижения стабильности в Европе произошло задолго до окончания наполеоновских войн. Так, в секретной поте-инструкции от 11 сентября 1804 г., данной Александром I Новосильцеву, отправлявшемуся со специальной миссией в Лондон, русский император писал: «Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, который будет заключен после всеобщей войны, удалось зафиксировать на основе ясных и точных принципов требования международного права»¹⁰.

Князь Меттерних полностью разделял идею создания системы равновесия сил в Европе, которая, по его мнению, должна была покоиться на моральном законе взаимности¹¹. В соответствии с ним, каждое отдельно взятое государство должно преследовать не только свои интересы, но и постоянно учитывать потребности других государств, придерживаться действующих правил Священного Писания для людей: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой»¹². Кроме того, они должны солидарно противостоять избыточной силе отдельных государств, показывать взаимное почтение, внимание и открытость, соблюдать подписанные договоры и существующие в международных отношениях правила. По мнению австрийско-

го историка Г. Србика, в этих тезисах видно заимствование мыслей знаменитого предшественника князя канцлера Кауница¹³. Идея создания системы реального и длительного равновесия сил в Европе с давних времен привлекала внимание европейских мыслителей, вряд ли не задумывался об этом и Кауниц. Постоянно нарушаемый баланс сил плохо служил целям мира, выражая политические амбиции отдельных государств, создавая угрозы новых войн. Наполеоновская эпоха стала тому страшным примером.

На формирование взглядов Меттерниха в данном вопросе оказали влияние не только европейские философы, но и Ф. фон Генц. Истоки политических убеждений князя можно обнаружить в его книге «О политическом положении Европы до и после Французской революции», опубликованной в 1801 году. В ней содержалась мысль, что все беды Европы происходят от небывалого преобладания одной из европейских держав — Франции, что нарушило «равновесие», «истинную федеративную систему», благодаря которым народы наслаждались миром. Двадцать лет, предшествовавшие революции, представлены в книге Ф. Генца как период мира и процветания, время, когда «просвещенный, милосердный и мирный образ мыслей завладел в большинстве европейских стран массой народа»¹⁴. Государственные деятели видели недостатки тогдашней «федеративной системы» и работали над совершенствованием «общественной конституции Европы». Однако Французская революция и развязанные ею войны разрушили благотворную систему. Единственный путь спасения Европы Ф. Генц видел в восстановлении равновесия сил на континенте.

Подобных взглядов придерживалось большинство политиков на Венском конгрессе. Но, несмотря на то, что все великие державы говорили о своем «бескорыстном» желании дать Европе длительный покой и благоденствие на основе справедливого распределения территорий и принципа равновесия, каждое правительство думало, прежде всего, о собственных интересах. Державам-победительницам представлялся редкий случай обогатиться обширными землями, выгодными стратегическими позициями, материальными и людскими ресурсами за счет побежденной империи, и тем самым упрочить свое влияние и в Европе, и за ее пределами. Доктриной равновесия сил каждая сторона маскировала свое стремление к превосходству над другими. Исходя из этого, каждая из великих держав имела свою, приспособленную к собственным интересам, программу решения европейских проблем¹⁵.

Приоритет в разработке теории баланса политических сил принадлежал Англии. В Вене Р. Каслри проявил большую активность и дипломатическую гибкость, дабы утвердить, как одну из первейших задач работы конгресса, установление «справедливого» равновесия сил в Европе. Английские дипломаты под этим понимали сохранение и дальнейшее расширение своего морского и торгового превосходства, закрепление за собой захваченных в ходе войны французских, испанских, голландских колоний, обеспечение себе германского, русского и других рынков. Гарантии своего влиятельного положения в мире Великобритания видела в создании под властью оранской династии сильного Нидерландского королевства, в укреплении Пруссии (за счет присоединения к ней Саксонии) и Австрии (увеличившей свое влияние в Италии). Путем усиления этих государств Англия стремилась создать мощный барьер против Франции, угрожавшей своим флотом и торговлей, и России, стремившейся потеснить ее на Востоке¹⁶.

Пруссия стремилась восстановить утраченное ею влияние, присоединить всю Саксонию и занять господствующее положение в Германии. Именно такое послевоенное политическое устройство прусская монархия считала «законным».

У Александра I была разработана целая система, способная обеспечить Европе мир и благоденствие, основанная на материальном вознаграждении каждой из великих держав, пропорционально понесенным ею жертвам. Приращения должны были соответствовать нуждам обороны государства и не достигать размеров, представляющих угрозу соседям. Наградой для России, вынесшей основную тяжесть войны с Наполеоном, должно было стать герцогство Варшавское (откуда Бонапарт совершил вторжение) в качестве компенсации и защитного барьера от потенциального нападения¹⁷. Пруссия должна была получить компенсацию в Саксонии, Австрия — в Италии. По замыслу царя Пруссия и Австрия, таким образом, могли уравновесить друг друга. От устремления на восток их должна была отвлекать Франция — ослабленная, но отнюдь не потерявшая значения¹⁸. Александр I, руководствуясь великодержавными амбициями, твердо отстаивал этот план, осуществление которого позволяло России в будущем играть одну из ведущих ролей в европейской политике.

К. Меттерних имел свою концепцию послевоенного политического устройства Европы, отвечающую интересам Австрийской империи. На Венском конгрессе Австрия из всех великих держав теснее всего была связана интересами с Англией. Меттер-

них видел опасность в сохранении мощи Франции и усилении России. Князю не нравились планы царя относительно Польши, так как распространение влияния России в Европе на запад могло угрожать интересам Австрии. Другие европейские политики также видели угрозу своим интересам в значительном возвышении Российской империи после победы над Наполеоном.

Ф. фон Генц в августе 1814 г. писал: «Если планы императора Александра осуществятся, тогда на границах Австрии и Пруссии вырастет вулкан, который опустошит и поглотит все вокруг себя... После крушения Наполеона — Россия единственная держава, которая может угрожать равновесию и независимости Европы»¹⁹. Кроме того, для Меттерниха восстановление Польши с собственной конституцией по замыслу русского царя создавало опасный прецедент для охраняемой им монархической политической системы.

Вторым после России опасным врагом Австрийской империи, по мнению канцлера, была Франция. Ослабить ее он рассчитывал путем поддержки английского плана создания «антифранцузского барьера», противопоставив Франции Нидерланды, а затем организованную на конфедеративных началах Германию. Однако в отношении укрепления Пруссии политика Меттерниха не совпадала с устремлениями Р. Каслри. Саксония под властью Фридриха-Вильгельма казалась ему нарушением германского равновесия. Во-первых, богемские ущелья и дорога к Вене становились в этом случае открытыми для самых опасных врагов Габсбургов, а, во-вторых, это укрепляло позиции Пруссии в Германии. Стараясь не допустить такого развития событий, канцлер стремился переключить внимание Пруссии с германских земель на польские территории на востоке, где она противостояла бы России. В планы Меттерниха не входило превращение сильнейшего из германских государств в неприятеля. Он основывал будущее политическое устройство центральной Европы на австро-прусском сотрудничестве, в чем видел ключ к безопасности собственной страны²⁰.

Еще в марте 1813 г. Меттерних, стремившийся предотвратить союз Пруссии с Россией и подтолкнуть ее к сотрудничеству с Венной, писал, что Австрия и Пруссия не являются соперниками, их объединяет полное сходство политических позиций со времен чрезмерного расширения Франции и усиления России. Франция защищена Рейном, Россия — ужасным климатом. Следовательно, задача Австрии и Пруссии состоит в проведении мудрой и сдержанной политики в отношении друг к другу и к соседям. Стабильность Европы может быть обеспечена только взаимным сотрудничеством этих двух великих держав²¹.

В сознании Меттерниха решение германской проблемы было тесно связано с его проектом общеевропейского политического устройства, с теорией европейского равновесия. Первоочередной задачей австрийской дипломатии он считал восстановление влияния габсбургской империи в центре Европы и, прежде всего, в Германии.

Война с Наполеоном способствовала подъему национальных чувств немцев. Либеральное дворянство, интеллигенция, часть бюргерства желали объединения страны на новых условиях, в соответствии с духом эпохи. Многие мечтали о возрождении модернизированной модели «Священной Римской империи». Радужный прием, оказанный Францу I во время поездки по южной и западной Германии, свидетельствовал, что многие немцы видели в габсбургской династии потенциальных объединителей страны. Однако единая Германия не входила в планы австрийского монарха. Франц I выразился по этому поводу так: «Если они хотят сделать меня тем, чем я был раньше, то покорнейше благодарю, если же они хотят меня сделать чем-то другим, то любопытно, как это у них получится»²². Он понимал, что у него недостаточно политических сил для того, чтобы встать во главе объединенной монархии: «Немецкому императору я не подчинюсь, а сам я таковым уже не стал»²³.

Канцлер полностью разделял взгляды своего императора. Позиция князя в данном вопросе объяснялась многонациональным характером дунайской монархии. Единая Германия означала Германию национальную, что противоречило всей политической основе Австрийской империи, построенной на наднациональном принципе. Восстановление единой Германской империи, означало бы для династии неизбежные проблемы с землями, населенными негерманскими народами и, прежде всего, с Венгрией.

Все объединительные тенденции Меттерних воспринимал как демократические или революционные. Немецкие либералы, игравшие заметную роль в националистическом движении, не могли быть союзниками для великого консерватора, придерживавшегося иных взглядов на общественное устройство и отрицающего либеральный принцип суверенитета народов. Австрийский канцлер опасался, что развитие объединительных тенденций в Германии может способствовать росту освободительного движения в многонациональной габсбургской монархии, что нарушит спокойствие в Европе. По этой причине он постоянно подчеркивал, что создание объединенной

Германии является не только германским, но и общеевропейским делом²⁴. Меттерних понимал, что создание германской федерации неизбежно. В этом его поддерживал Ф. фон Генц, считавший, что пока идея единства Германии бродит в головах, необходимо что-то делать в этом направлении²⁵.

В связи с этим князь не терял надежды в перспективе объединить все немецкие земли по великогерманскому варианту под эгидой Австрии. Однако он понимал, что в данный период времени еще не сложились для этого необходимые исторические предпосылки: Австрия была слишком слаба и не могла справиться с внешней оппозицией в лице сильных немецких государств (Пруссии, Ганновера, Баварии) и великих держав Европы. Вряд ли Англия и Россия захотели бы столь значительного усиления Австрии. Кроме того, габсбургская монархия имела много нерешенных внутренних проблем с народами, входившими в ее состав и стремящимися к большей самостоятельности. Реально оценивая создавшуюся ситуацию, князь решил использовать данное время для подготовки условий для будущей «Священной Римской империи» во главе с австрийской монархией. Ф. фон Генц полностью разделял мнение Меттерниха, считая, что Австрия «должна быть первой среди равных германских государств»²⁶.

Учитывая укрепившиеся позиции Пруссии (присоединившей после решения польско-саксонской проблемы половину Саксонии, Вестфалию и рейнские земли), канцлер рассчитывал завуалировать слабость позиции Австрии, представить ее сильной и авторитетной державой. С этой точки зрения, восстановление единой Германской империи было нежелательно, так как при сохранении в ней сильных немецких территориальных государств Австрия являлась бы лишь номинальным образованием, а австрийский император — бесправным монархом.

Австрийский канцлер отказался и от предложения Пруссии о разделе Германии на две части: северную и южную. В сложившихся условиях единственное решение князь видел в создании приемлемой сейчас для Австрии модели организации германских государств. Наилучшей формой объединения он считал союз слабо связанных между собой государств под эгидой монархии Габсбургов, который князь называл федеративным, но, по сути, это означало создание конфедерации. Только при такой модели Австрийская империя, по его мнению, могла занять лидирующее положение²⁷.

Канцлер надеялся укрепить позиции Габсбургов в Италии, полностью ликвидировав там французское влияние. Господство на Аппенинском полуострове предполагалось осуществлять посредством усиления позиций Австрийской империи в Милане, Модене, Венеции, Парме и Неаполе.

Таким образом, на Венском конгрессе Меттерних стремился упрочить позиции Австрии в Европе, обеспечить своей стране лидирующее положение. «Австрия — голова Европы»²⁸, — говорил он. Однако, будучи достаточно трезвым политиком, он четко представлял реальную расстановку политических сил, в которой Австрия занимала отнюдь не первое место.

Огромное желание князя видеть свое государство одним из сильнейших на континенте, способным обеспечить политическое равновесие, с учетом великодержавных интересов австрийской монархии, порождено было не только огромным честолюбием, но и политической необходимостью. Судьба габсбургской империи в большей степени, чем судьбы других государств, была связана с судьбой всей Европы. Опасности для существования австрийского государства были двоякого рода: с одной стороны, угроза могущественных соседей, с другой — сепаратистские тенденции внутри монархии, стремление к автономии отдельных частей империи. Факторы эти были тесно взаимосвязаны и взаимно усиливались. Национально-освободительные и демократические движения в отдельных составных частях Австрии могли способствовать не только разрыву объединяющих страну династических связей, но и агрессии соседей, а внешнеполитическое давление со стороны последних могло побудить к активности первых. Меттерних понимал глубину опасности и пытался ей противостоять, поставив перед собой две конкретные задачи: во-первых, французская гегемония не должна была смениться русской, в Европе должно было установиться внешнеполитическое равновесие сил; во-вторых, державы должны объединиться в борьбе с революционными движениями, создать систему коллективной безопасности на континенте²⁹.

Важнейшим принципом своей концепции послевоенного политического устройства Европы канцлер избрал принцип легитимизма (восстановление «легитимных», то есть законных династий), выдвинутый Ш.М. Талейраном. Этот термин был введен в употребление графом Прованским (братом Людовика XVI), еще тогда, когда он претендовал на престол. В своих письмах к европейским государям граф убеждал их, что этот принцип должен стать основой европейского устройства после разгрома Наполеона³⁰.

Князь отчетливо понимал, что возможности реставрации весьма ограничены. В сложившейся ситуации необходимо было признать те изменения, которые произош-

ли в Европе за 25 лет с начала Великой французской революции и в процессе наполеоновских войн. Конституция, разделение властей, открытое судопроизводство, свобода вероисповедания, объединений, — все это существовало в наполеоновскую эпоху, хотя и в усеченном виде, и этого уже нельзя было исключить из требований граждан. Ни один народ не остался незатронутым великими переменами, происходившими с середины XVIII до начала XIX вв., перевороты коснулись всех сфер жизни и являлись революцией во многих областях: философии, науке, экономике, социальной, политической и военной жизни.

Австрийский канцлер, как и все стоявшие у власти европейские консервативные политики, пытался свести к минимуму произошедшие изменения там, где это было возможно. Во всех остальных случаях с ними приходилось мириться. В рассуждениях Меттерниха можно найти следующие строки: «Сохранение того, что существует, должно быть первой и важнейшей из всех забот. Под этим мы понимаем не только старый порядок вещей..., но также все новые законно созданные институты»³¹.

Благодаря усилиям консерваторов XIX в., легитимизм наполнился вполне реальным содержанием и направлен на отмену политических и территориальных изменений, произошедших во время революций и наполеоновских войн. Принцип легитимизма стал идеологическим оружием для обоснования новой системы политического равновесия в интересах государств старого порядка. Этот принцип был подкреплен принципом интервенции, в соответствии с которым всюду, где, по мнению великих держав, нарушалась легитимность, для восстановления справедливости можно применять все средства воздействия, вплоть до вооруженного вмешательства.

Острая дипломатическая борьба на Венском конгрессе развернулась по трем вопросам: польско-саксонскому, германскому и итальянскому.

Особенно серьезные разногласия возникли при решении польско-саксонской проблемы. Ни личные переговоры австрийских, английских и французских дипломатов с Александром I с целью заставить его отказаться от своих планов, ни попытка расстроить его союз с прусским королем не дали положительных результатов. В сложившейся ситуации Меттерних идет на сближение с Францией при сохранении союза с Англией, с тем, чтобы по возможности удержать Россию от дальнейшего продвижения на запад и заставить Пруссию отказаться хотя бы от части Саксонии. 3 января 1815 г. был подписан секретный договор между Англией, Австрией и Францией, который предусматривал согласованные действия этих держав на конгрессе и взаимную помощь в случае нападения на одну из них. При этом в договоре указывалось, что нападение на Ганновер или Нидерланды должно рассматриваться как нападение на Великобританию. Каждый из участников договора обязался в случае войны выставить армию в 150 тыс. человек.

7 марта 1815 г. было получено сообщение о бегстве Наполеона с острова Эльбы. Первым получил его Меттерних от австрийского консула в Генуе³². Опасность, возникшая в связи с возвращением Бонапарта, способствовала сближению великих держав и ускорила подписание 9 июня 1815 г. итогового документа конгресса — Заключительного акта³³, в статьях которого фиксировались все территориально-политические изменения в Европе.

Конгресс решил практически все поставленные перед ним цели: большинство законных династий были возвращены на свои престолы; в ранее покоренных Наполеоном странах восстановлены феодально-абсолютистские порядки; государства, способствовавшие свержению Наполеона, получили территориальные вознаграждения; у границ Франции созданы барьерные государства; произошел передел колониальных владений держав (Англии удалось оставить за собой немалое количество французских и голландских колониальных территорий, захваченных во время войны). После многолетних наполеоновских войн и долгих месяцев упорных трудов политиков и дипломатов в Европе была установлена новая международная система равновесия, вошедшая в историю под названием «венской системы». С ее созданием была решена самая главная задача европейской политики того времени — восстановление мира на континенте и предотвращение войн. С поддержанием спокойствия в Европе дело обстояло гораздо сложнее. Его нарушали революции 1820, 1830 и 1848 гг. и национальные движения, угрожавшие подорвать основы «системы». Однако, несмотря на временные колебания, вплоть до Крымской войны 1853—1856 гг. она оставалась почти незыблемой.

Членам антинаполеоновской коалиции пришлось преодолеть множество противоречий взаимного характера и принять по большинству вопросов компромиссные решения. Уже тогда многие из них понимали, что политическое равновесие в Европе не будет прочным и потому сохранить его возможно только путем лавирования, взаимных уступок и коллективных действий. В этом были убеждены Александр I и лорд Каслри. Меттерних, напротив, принадлежал к числу тех участников конгресса, кото-

рые остались довольны результатами и были убеждены в прочности своих достижений. Он искренне считал, что акт Венского конгресса установил для империй и государств твердые основы³³.

Гордиться австрийскому канцлеру, действительно, было чем. Он сумел осуществить большинство из поставленных перед собой задач: навязал выгодную для Австрии модель союзного германского государства, превратил Пруссию в «младшего партнера» Габсбургов, приобрел решающее влияние на мелкие и средние государства южной и центральной Германии, утвердил австрийское господство в Италии, создал препятствия для нового политического усиления Франции. Несмотря на некоторые неудачи в польско-саксонском вопросе, в Европе при его активном участии утвердился тот европейский порядок, который он и планировал создать. Этим Меттерниху удалось добиться главной цели своей политики — укрепить позиции Австрийской империи на международной арене. Хрупкая внутривластная структура австрийской монархии требовала для поддержания своего существования внешнеполитического равновесия и стабилизации монархических порядков в европейских странах. Равновесие и спокойствие Меттерних характеризовал даже как идентичные понятия³⁴. Установление политического равновесия и относительного спокойствия в Европе — этих двух необходимых для жизнеспособности габсбургской империи факторов — было величайшим достижением князя. В этом ему способствовали благоприятные обстоятельства: готовность Великобритании поддержать многие венские инициативы, активные действия французских дипломатов, сумевших поставить преграды нежелательному для обеих сторон усилению Пруссии и России, дипломатическая гибкость и пацифистский настрой русского царя Александра I.

Однако талант государственного деятеля и дипломата заключается не только в том, чтобы увидеть эти обстоятельства, но и в том, чтобы заставить их работать в своих интересах. Данным искусством Меттерних владел. Он также сумел мастерски показать на конгрессе всему миру, что Австрия незаменима — и в политическом, и в военном отношении, несмотря на то, что ее позиции в данный период начали объективно слабеть. Австрийский канцлер отлично понимал это, почему и стремился поддерживать созданный на конгрессе порядок с помощью взаимодействия между пятью великими державами. В его бумагах можно найти неоднократное подчеркивание того, что моральным долгом великих держав является сохранение внешнего и внутреннего (социального) равновесия³⁵. Вся его дальнейшая политика была направлена на воплощение этой цели.

Постановления Венского конгресса подверглись резкой критике многих современников и историков XIX века. Созданная при самом активном участии австрийского князя «венская система» была далеко не идеальной. Правильнее было бы говорить об установлении в Европе относительного равновесия, которое великие державы сформировали с учетом, прежде всего, своих интересов. Однако в его основе лежал принцип целесообразности в том смысле, в каком он мыслился политическим деятелям того времени. Их задача состояла в достижении мира через максимально возможный компромисс между интересами великих держав, предполагавший относительно устойчивое силовое равновесие. Охранительный характер «венской системы» отвечал общим интересам европейских держав, а не только интересам австрийской монархии и желаниям Меттерниха. Это создало основу для ее длительного существования на протяжении более сорока лет. На закате своей жизни, оценивая результаты работы конгресса, князь писал в мемуарах: «Основа дальнейшего мира в Европе была гарантирована, насколько это было возможно»³⁶. Государственному канцлеру удалось разрешить почти все спорные моменты таким образом, что никто полностью не был удовлетворен, но в то же время никто не покинул Вену в полном разочаровании и с жадной мести. Именно в этом и заключался секрет прочности заключенных договоров и «системы» в целом.

Идеальной основой для формирования системы равновесия стал принцип легитимизма, который Меттерних, несмотря на свои консервативные убеждения, никогда не рассматривал как центральную догму «системы», а лишь как средство осуществления поставленной цели. Доказательством этому может служить то, что этот принцип фактически не распространился ни на Польшу, ни на Бельгию, ни на Норвегию, ни на Северную Италию. Территория Польши снова была разделена между тремя государствами, Северной Италией завладела Австрия, Норвегия вошла в состав Швеции, Бельгия — в состав Голландии, образовав Нидерландское королевство.

В идеях «венской системы» канцлер Меттерних не изобрел ничего нового: она развивалась в русле консервативных политических тенденций своего времени. Однако в отличие от многих других политиков, князь располагал необходимыми положением и должностью для осуществления этих идей, которые он приводил в жизнь с необыкновенным усердием и упорством. «Венская система», созданная под руковод-

ством Меттерниха, долгое время успешно выполняла свою главную задачу предотвращения войн, но она не смогла в должной мере учесть уроки и последствия революции и стать прогрессивным началом новой эпохи. Однако канцлер настолько ценил свое детище, что даже после революций 1848—1849 гг., существенно пошатнувших существующий феодально-монархический уклад, писал: «Долгая эпоха политического мира, которой когда-либо наслаждалась Европа, была бы достаточной для успокоения совести просвещенного монарха и его помощника, даже если бы вдобавок результат конгресса сам победоносно не выдержал бы испытание 1848—1849 годов»³⁷.

Примечания

1. АЛЕНТЬЕВА Т.В. Международные отношения в XIX в. (1815—1856). Курск, 2000; ИНСАРОВ Х.Г. Князь Меттерних, его жизнь и политическая деятельность. СПб. 1905; РАХШМИР П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 1999. Т. 1; ШЕДИВЫ Я. Меттерних против Наполеона. М. 1991; ХИЛЛЬГРУБЕР А., БЕРГЛАР П. Выдающиеся политики. Отто фон Бисмарк. Меттерних. Ростов-на-Дону, 1998; BERTIER DE SAUVIGNY G. Metternich. P. 1986; BIBL V. Metternich der Dämon Östereich. Leipzig und Wien. 1936; SRBIK H.R. Von Metternich. München. 1925. Bd. 1, 2.
2. METTERNICH C. Denkwürdigkeiten. Bd. II. München. 1921, s. 99.
3. SRBIK H.R. Op. cit.; BIBL V. Op. cit.; BERTIER DE SAUVIGNY G. Op. cit.; SEWARD D. Metternich. The First European. N.Y. 1991.
4. НАДЛЕР В.К. Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882; ИНСАРОВ Х.Г. Ук. соч.; ПИСАРЕВ Д.И. Меттерних. СПб. 1909. Т. 1; ГРАДОВСКИЙ А.Д. Собр. соч. в 6 томах. СПб. 1909. Т. 1.
5. РАХШМИР П.Ю. Ук. соч.
6. METTERNICH C. Op. cit., s. 451.
7. МАРТЕНС Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1905. Т. XIV, с. 238—260.
8. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). М. 1999, с. 118—119.
9. ОРЛИК О.В. Россия в международных отношениях 1815—1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М. 1998, с. 11.
10. ФЕДОСОВА Е.И. Франция и Венская система. — Новая и новейшая история, 1994, № 3, с. 71.
11. Aus Metternich's Nachgelassenen Papieren (в дальнейшем NP). 8 Bds. Wien. 1880. Bd. I, s. 33.
12. NP. Bd. I, s. 34; Bd. V, s. 151.
13. SRBIK H.R. Op. cit., s. 358.
14. GENTZ F. Von dem politischen Zustande von Europa vor und nach der französischen Revolution. В. 1801, S. 189, 191—192.
15. ДЕГОЕВ В. Александр I и проблема войны и мира в Европе (1815—1825) — Россия XXI, 2002, № 3, с. 114.
16. ДЕБИДУР А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). М. 1947. Т.1, с. 46—48.
17. ДЕГОЕВ В. Ук. соч., с. 115.
18. ЗАК Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М. 1966, с. 34.
19. MOLDEN E. Ein Österreichischer Kanzler. Der Fürst von Metternich. Leipzig, s. 40—41.
20. ДЕБИДУР А. Ук. соч., с. 48—51; ШЕДИВЫ Я. Ук. соч., с. 241.
21. MOLDEN E. Op. cit., s. 29—30.
22. Цит. по: ШИМОВ Я. Австро-Венгерская империя. М. 2003, с. 206.
23. GROBAUER F.J. Metternich, der Kutscher Europas. Wien. 1959, s. 146.
24. RIEBEL H. Prinzipiengrundlage und diplomatie in Metternichs Europapolitik 1815—1848. Aarau. 1942, s. 39.
25. GENTZ F. Österreichs Teilnahme an den Befreiungskriegen. Ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813 bis 1815. Nach Aufzeichnungen von Friedrich von Gentz nebst einem Anhang: «Briefwechsel zwischen den Fürsten Schwarzenberg und Metternich». Wien. 1887, s. 525.
26. GENTZ F. Op. cit., s. 103.
27. GROBAUER F.J. Op. cit., s. 145.
28. Цит. по: ШИМОВ Я. Ук. соч., с. 209.
29. METTERNICH C. Op. cit., s. 63.
30. НАРОЧНИЦКИЙ А.Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М. 1946, с. 45—46.
31. METTERNICH C. Op. cit., s. 59.
32. NP. Bd. I, s. 209.
33. NP. Bd. I, s. 219.
34. NP. Bd. VIII, s. 550.
35. NP. Bd. I, s. 219; NP. Bd. III, s. 168.
36. NP. Bd. I, s. 219.
37. NP. Bd. I, s. 212.